

> МАГИСТРАЛЪ >

ЭЛИЗАБЕТ ФОН АРНИМ

Чарующий апрель

Москва
2024

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44
А84

Elizabeth von Arnim
THE ENCHANTED APRIL

Перевод с английского *Володи Львова*

Художественное оформление серии *Натальи Портяной*

Арним, Элизабет, фон.

А84 Чарующий апрель / Элизабет фон Арним ; [перевод с английского В. Львова]. — Москва : Эксмо, 2024. — 288 с. — (Магистраль. Главный тренд).

ISBN 978-5-04-199746-5

Четыре эксцентричные англичанки из разных слоев общества сбегают из промозглого Лондона в солнечную Италию. Легкая и полная юмора история о целительной силе отдыха и любви к себе.

«Чарующий апрель», вышедший в 1922 году, мгновенно стал бестселлером в Великобритании и США и создал моду на итальянский курорт Портофино.

Помешанная на экономии и любви к мужу Лотти, пресыщенная вниманием кавалеров красавица Кэрролайн, религиозная благотворительница Роуз и высокомерная скупая вдова миссис Фишер собираются вместе у лазурного моря в замке Сан-Сальваторе.

Чего ожидать столь разным женщинам, внезапно оказавшимся вместе? Ревности и конкуренции или искренней любви и настоящей дружбы?

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-199746-5

© Львов В., перевод на русский язык, 2024
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2024

ГЛАВА 1

Эта история началась февральским полднем в лондонском дамском клубе — полднем столь же неприятным, как и сам клуб. Тогда же в надежде пообедать сюда заглянула миссис Уилкинс, приехавшая из Хэмпстеда за покупками. Взяв со столика в курительной комнате последний номер «Таймс», среди прочих объявлений она случайно прочла следующее:

«Любителям глициний и солнечного света! В апреле сдается небольшой средневековый итальянский замок на берегу Средиземного моря. Меблирован. Прислуга имеется. Z., почтовый ящик № 1000, “Таймс”».

Как это обычно и бывает, всей важности судьбоносного предложения только предстояло раскрыться.

А потому миссис Уилкинс, не подозревая, что апрель ее был предрешен, с досадой и покорностью отбросила газету, подошла к окну и тоскливо взглянула на мокрую улицу.

Не для нее были средневековые замки, пусть даже и небольшие. Не для нее был апрель на Средиземном море, глицинии и солнечный свет. Подобная роскошь — удел богатых. И все-таки объявление

было адресовано тем, кому это нравится, а значит, и ей, ведь она точно знала ценность этой красоты — больше, чем могла предположить. Но она была бедна. У нее найдется всего девяносто фунтов, которые она копила на протяжении нескольких лет со средств, предназначенных для покупки платьев. Она откладывала их по совету мужа — на черный день. Деньги на одежду, которые предоставлял ей отец, составляли лишь сто фунтов в год, поэтому наряды миссис Уилкинс были скромны, что вполне устраивало ее супруга, а подруг, редко заговаривающих о ней, изрядно веселило.

Мистер Уилкинс, будучи адвокатом, ценил экономию, за исключением тех случаев, когда она сказывалась на его обедах. В эти моменты речи о бережливости сменялись на обвинения в неспособности вести домашнее хозяйство. И все-таки за ту скардность, которая, подобно моли, поселилась в гардеробе миссис Уилкинс и серьезно его попортила, очень хвалил. «Никогда не знаешь, — повторял он, — когда наступит черный день, и ты, скорее всего, будешь рада обнаружить, что у тебя есть заначка. Да что там говорить, ведь довольными останемся мы оба».

Стоя у окна, выходящего на Шафтсбери-авеню — клуб был недорогой, зато до него было легко добраться из Хэмпстеда, а уже от клуба — до «Шулбредс», где она совершала покупки, — миссис Уилкинс равнодушно смотрела на противный ледяной ливень, без усталости полосующий зонтики, на повозки, из-под колес которых брызгала вода, а про себя видела лишь апрель на Средиземноморье, и глицинии, и все удивительные возможности, доступные богатым, и вдрут

подумала: может быть, сегодня и есть тот черный день, к которому Меллерш — так звали мистера Уилкинса, ее супруга — готовил все эти годы, и сама судьба предлагает распорядиться ее скромными сбережениями, — лишь бы сбежать отсюда? Не всеми сбережениями, конечно, а только небольшой частью... Замок, ведь он средневековый, наверняка обветшал, а все, что старо, вряд ли должно стоить дорого. Она была не против беспорядка, ведь за то, что уже одряхлело, не надо платить целое состояние... Ну, что за глупости порой приходят в голову!

Она отвернулась от окна, раздосадованная и смиренная, такая же, как и когда отбросила «Таймс», пересекла комнату, с намерением взять пальто и зонтик, протиснуться в одну из переполненных городских повозок и по пути к дому зайти в «Шулбрэдс», чтобы купить на ужин палтуса — Меллерш не переносил рыбу, кроме палтуса и лосося, — но вдруг заметила миссис Эрбутнот, посетительницу клуба, как и она, проживающую в Хэмпстеде и в этот момент замороженную первой полосой «Таймс».

Миссис Уилкинс еще ни разу не доводилось разговаривать с этой дамой, так как та состояла в одной из многочисленных церковных общин, изучала, классифицировала, подразделяла и регистрировала бедняков, в то время как они с Меллершем, если и выходили в свет, то лишь в музеи, галереи, где выставлялись импрессионисты, которых в Хэмпстеде было пруд пруди. За одним из них была замужем сестра Меллерша, проживающая в Хите, и миссис Уилкинс, будучи заложницей этой родственной связи, оказалась вписана в совершенно чуждый для нее круг общения.

Вскоре она вовсе стала бояться живописи. О ней непременно что-то надо было сказать, но что именно — миссис Уилкинс не знала, поэтому ограничивалась оценкой «чудесно», хоть и чувствовала, насколько это бессмысленно. Впрочем, никто ей не возражал. Ибо никто ее не слушал. Кому какое дело до жены мистера Уилкинса? На подобных вечеринках она была серой мышью. Ее одежда, источающая бережливость, делала ее почти невидимкой. Ее лицо также не вызывало интереса. Разговор не отличался выразительностью. Она то и дело робела. Стало быть, если одежда, лицо и разговор так ничтожны, думала миссис Уилкинс, что же ей остается делать на этих раутах?

Она везде сопровождала мистера Уилкинса, этого гладко выбритого и симпатичного мужчину, который одним лишь своим присутствием мог украсить любую вечеринку. Уилкинс имел особый вес. Все знали, что его высоко ценят старшие партнеры. Окружение сестры восхищалось им. Он с чувством, толком и расстановкой рассуждал об искусстве и художниках. Всегда был сдержан. Без излишеств. Ни словом больше, ни словом меньше. Складывалось впечатление, будто он сохраняет все сказанное им. Он выглядел настолько надежно, что зачастую повстречавшие его на вечеринках испытывали разочарование в собственных поверенных, после чего беспокойно прекращали с ними всякие отношения, спрятавшись под крыло Уилкинса.

Естественно, миссис Уилкинс оставалась незамеченной. «Ей бы, — говорила золовка, будто после внимательного рассмотрения очередного дела выносила приговор, — следовало оставаться дома». Но Уилкинс

не мог себе такого позволить. Как и всем юристам, занимавшимся семейными вопросами, ему было положено иметь жену и демонстрировать ее. По будням он водил супругу на вечеринки, а по воскресеньям — в церковь. Будучи довольно молодым человеком, он пытался найти клиенток среди пожилых дам, поэтому не пренебрегал службами, на одной из которых миссис Уилкинс и узнала о миссис Эрбутнот, однако до сих пор не перемолвилась с ней ни словом.

Она видела, как эта дама умело руководила детьми бедняков, когда сопровождала их к церковным скамьям. Во главе учеников воскресной школы она приходила ровно за пять минут до выхода хора и аккуратно устраивала мальчиков и девочек по отведенным им местам, затем призывала их встать на колени для первой молитвы, после чего им следовало снова подняться, как раз под торжественные звуки органа, когда двери ризницы распахивались, входили священнослужители и хор, готовые исполнить литанию и прочесть заповеди. Пусть лицо ее и выглядело печальным, она явно отличалась деловитостью. Это сочетание удивляло миссис Уилкинс, поскольку Меллерш, в те дни, когда ей удавалось раздобыть для него камбалу, любил повторять, что занятым делом людям некогда печалиться и что тот, кто хорошо выполняет свою работу, всегда весел и бодр.

В миссис Эрбутнот не было ни веселья, ни бодрости, хотя с детьми из воскресной школы она управлялась довольно живо. Но когда миссис Уилкинс отвернулась от окна и увидела ее в клубе, в той не было ничего живого. Сейчас же она крепко держала газету двумя руками, уставившись на что-то на первой

полосе «Таймс». Лицо ее, как и прежде, напоминало лик разочарованной, но терпеливой Мадонны.

С минуту наблюдая за миссис Эрбутнот, миссис Уилкинс пыталась набраться смелости, чтобы спросить, не обратила ли та внимание на объявление. Она не знала, почему ей хотелось об этом разузнать, но хотелось точно, да и можно ли не заговорить с дамой, которая выглядит такой доброй и такой несчастной. Почему бы двоим опечаленным женщинам не поддержать друг друга в трудную минуту, перекинувшись несколькими словами? Не рассказать друг другу о чувствах, о том, что им нравится и на что они еще стараются надеяться? Скорее всего, в этот самый момент миссис Эрбутнот и правда читала то самое объявление, ведь ее взгляд остановился на нужном фрагменте страницы. Воображала ли она себе ту же картину: цвет, запах, солнечный свет, мягкие волны, бьющие по небольшим нагретым скалам. Картину за-место Шафтсбери-авеню, сырых омнибусов, рыбного отдела в «Шулбрעדс», обратной дороги в Хэмпстед и готовки обеда. Все это повторится завтра, и послезавтра, и снова... День за днем.

Неожиданно миссис Уилкинс склонилась над столом.

— Читаете про средневековый замок и глицинии? — спросила она, услышав собственный голос.

Миссис Эрбутнот, конечно же, удивилась прозвучавшему вопросу, но не больше самой миссис Уилкинс.

Дама пока что не успела рассмотреть эту худенькую и странно сложенную девушку с веснушками и большими серыми глазами, почти полностью скрытыми

под мокрой шляпой, поэтому на пару мгновений повисло молчание. Да, она и вправду читала о средневековом замке и глициниях, то есть прочитала о них десять минут назад, а сейчас просто витала в облаках — в свете и красках, чувствуя чудесный аромат и слушая тихий плеск волн о небольшие горячие скалы...

— Почему вы спрашиваете? — наконец произнесла она, причем совершенно серьезно. Работа с обделенными сделала ее вдумчивой и терпеливой.

Миссис Уилкинс смутилась, покраснела и испуганно прошептала:

— О, оно мне тоже попало на глаза, и я решила... Вернее, может быть... — она запнулась.

По привычке миссис Эрбутнот стала размышлять о том, в какую категорию людей определить миссис Уилкинс...

— Я часто вас здесь вижу, — проговорила миссис Уилкинс, будучи уже не в силах остановиться, подобно всем стеснительным людям, все больше и больше пугаясь собственного голоса. — Каждое воскресенье... Я вижу вас каждое воскресенье в церкви.

— В церкви? — повторила миссис Эрбутнот.

— Это так удивительно — это объявление о глициниях и... — Кажется, миссис Уилкинс окончательно смутилась, напоминая растерянную школьницу, ерзающую на стуле, но продолжила: — Да, так удивительно — и чтобы в такой пасмурный день...

Она замолчала и посмотрела на собеседницу глазами избитой собаки.

«Бедняжка, — подумала миссис Эрбутнот, посвятившая жизнь помощи нуждающимся и страждущим, сразу поняла, — ей нужен хороший совет».

И терпеливо приготовилась его дать.

— Если вы видели меня в церкви, — произнесла она с нежностью и участием, — то, полагаю, вы тоже живете в Хэмпстеде?

— О да, — сказала миссис Уилкинс и, слегка наклонив голову на длинной шее, будто одно воспоминание о Хэмпстеде ее придавливало к земле, повторила: — О да.

— Где же? — осведомилась миссис Эрбутнот, которая, решившая дать совет, конечно, для начала хотела узнать как можно больше.

Но миссис Уилкинс лишь притронулась нежной рукой к номеру «Таймс», к тому месту, где были напечатаны сокровенные слова, и сказала:

— Наверное, вот почему это выглядит так чудесно.

— Кажется, это предложение удивительно само по себе, — сказала миссис Эрбутнот, забыв о том, что хотела узнать больше, и еле слышно вздохнула.

— Значит, все-таки прочитали?

— Да, — ответила миссис Эрбутнот, и в ее глазах замелькала греза.

— Правда, было бы прекрасно? — прошептала миссис Уилкинс.

— Прекрасно, — согласилась миссис Эрбутнот. На миг посветлевшее лицо вдруг погасло, приобретая привычное выражение.

— Совершенно прекрасно, только все это — воздушные замки, на которые не нужно тратить время.

— О, это не так, — горячо возразила миссис Уилкинс, чей внешний вид совершенно не соответствовал ее настроению: лишенные всякого вида жакет

и юбка, мокрая шляпа, неаккуратная прядь, выбившаяся из прически. — Мысли о таком приятны — ведь это не Хэмпстед... Порой я думаю... Точнее, порой я уверена — если чего-то захотеть, то это можно получить.

Миссис Эрбутнот терпеливо наблюдала за ней. К какой категории она могла бы ее отнести?

— Может быть, — сказала она, слегка наклонившись вперед, — вы назовете мне свое имя? Если мы хотим стать друзьями, — она печально улыбнулась, — на что я надеюсь, нам стоит начать с этого.

— О да, как это любезно с вашей стороны. Я миссис Уилкинс. Я не думаю, — добавила она, покраснев, поскольку миссис Эрбутнот ничего не ответила, — что это вам о чем-то говорит. Порой мне кажется, что это вообще ничего не значит. Но, — она огляделась, словно ища поддержки, — я миссис Уилкинс.

Ей не нравилось ее имя. Это было грубое, короткое имя, с какой-то ничтожной финтифлюшкой на конце, напоминающей закрученный хвостик мопса. Таким оно и было. С этим ничего нельзя было поделать. Она была Уилкинс и останется Уилкинс; и хотя ее муж советовал ей при любых обстоятельствах произносить это как миссис Меллерш-Уилкинс, она делала это только тогда, когда супруг был поблизости, поскольку считала, что «Меллерш» делает «Уилкинс» еще хуже, подобно тому, как надпись «Чатсуорт» на воротах подчеркивает статус виллы, однако в иную сторону.

Когда он впервые предложил ей добавлять «Меллерш» к своей фамилии, она возразила как раз по этой причине, и после паузы — Меллерш был слишком благоразумен, чтобы говорить, кроме как после

паузы, во время которой, по-видимому, он дотошно снимал копию с будущей реплики, — он произнес с большим неудовольствием: «Но я же не вилла», — и посмотрел на нее так, как смотрит тот, кто, наверное, в сотый раз понадеялся, что, быть может, женился не на последней дурочке.

Конечно, он никакая не вилла, уверяла его миссис Уилкинс; она никогда не размышляла в таком ключе. Она просто подумала...

Чем больше она пыталась объяснить, тем серьезнее становился Меллерш — это было слишком хорошо ему знакомо, ведь к моменту беседы он был женат уже как два года, — и начинал сомневаться: неужели на дурочке, но как... В конце концов они поссорились, если ссорой считать гордое молчание одного и искренние извинения другого. Нет-нет, миссис Уилкинс и не думала сказать, что мистер Уилкинс — вилла.

«Кажется, — подумала она, когда прошло достаточно времени и настал мир, — что кто угодно поссорится из-за чего угодно, если за два года ни дня не провести в одиночку. Если нам что-то и нужно, так это отдых».

— Мой муж, — продолжила она, пытаясь хоть как-то себя показать, — адвокат. Он... — И тут миссис Уилкинс задумалась, подыскивая слова, которые могли бы описать личность Меллерша. — Он очень красивый.

— Что ж, — ласково сказала миссис Эрбутнот, — это, должно быть, доставляет вам огромное удовольствие.

— Почему? — спросила миссис Уилкинс.

— Потому что... — в легком недоумении ответила миссис Эрбутнот, привыкшая к безоговорочности своих суждений в общении с бедными, — ...потому что красота радует глаз. И если этим даром правильно пользоваться...

Она замолчала на полуслове. Большие серые глаза миссис Уилкинс были устремлены на нее, из-за чего миссис Эрбутнот показалось, что за годы у нее выработалась привычка растолковывать, причем так, как это делают нянечки, чьи слушатели не могут с ней не соглашаться, а если бы и захотели, то испугались перебивать ее, как ни крути, находясь в подчинении.

Но миссис Уилкинс не слушала, потому что в ее воображении возникла пусть и абсурдная, но отчетливая картина: две фигуры, расположившиеся рядом под огромной глицинией, раскинувшейся по ветвям неизвестного ей дерева, и эти фигуры — она сама и миссис Эрбутнот... Она видела их перед собой. Видела их. А за ними, в солнечном свете, старые стены средневекового замка. Она видела их. Видела...

Вот почему она уставилась на миссис Эрбутнот, но ничего не слышала. Миссис Эрбутнот уставилась в ответ, очарованная выражением ее лица, изменившегося из-за воображаемой картины, лица, будто светившегося изнутри, мягкого, как вода на солнце, чья поверхность слегка взбудоражена ветерком. Если бы на светских раутах у миссис Уилкинс было такое же лицо, как сейчас, на нее точно обратили бы внимание.

Они смотрели друг на друга: миссис Эрбутнот — заинтригованная, а миссис Уилкинс — с глазами человека, озаренного откровением. Именно так. Вот так